

Купченко Юлия Александровна

К ВОПРОСУ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ И ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ПЕРФОРМАТИВОВ

В статье рассматривается монологическая и диалогическая природа перформативов на примере римских сакральных и светских (юридических) перформативов. Проводится анализ структуры древнеримских перформативных речевых актов, выделяются центральные типы иллокуций, свойственные римской сакральной и юридической коммуникации. На основе изучения языкового материала показано как древние римляне понимали, выражали и использовали перформативные высказывания. В заключение описывается, как тексты юридических документов развиваются из устных перформативных ритуальных практик.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 89-92. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.124'02'367.625'271.2

Филологические науки

В статье рассматривается монологическая и диалогическая природа перформативов на примере римских сакральных и светских (юридических) перформативов. Проводится анализ структуры древнеримских перформативных речевых актов, выделяются центральные типы иллокуций, свойственные римской сакральной и юридической коммуникации. На основе изучения языкового материала показано как древние римляне понимали, выражали и использовали перформативные высказывания. В заключение описывается, как тексты юридических документов развиваются из устных перформативных ритуальных практик.

Ключевые слова и фразы: перформатив; речевой акт; структура речевого акта; сакральные перформативные акты; аутореферентные перформативы; юридические перформативы; стипуляция.

Купченко Юлия Александровна*Томский государственный университет (филиал) в г. Новосибирске**kurchenkou@mail.ru***К ВОПРОСУ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ И ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ПЕРФОРМАТИВОВ[©]**

Перформатив сочетает в себе свойства высказываний и действий. Дж. Остин говорил о том, что употреблять предложения при определенных обстоятельствах означает совершать соответствующий акт, т.е. «произнесение высказывания и есть осуществление действия» [8, с. 27], которое может быть успешным или неуспешным.

Отличительной чертой перформативов является их направленность. Выражая поступок, они всегда эксплицируют действие говорящего, направленное на реципиента. Перформативное высказывание связано с переносом содержания высказывания на адресата, что вызывает определенные ментальные и социальные последствия, такие как изменение статуса коммуникантов, как адресата, так и самого адресанта, их отношение к высказыванию, друг другу, действительности.

Иллокутивный акт или действие, которое говорящий осуществляет посредством высказывания, может представлять собой просьбу, приказ, клятву, требование, заверение, проклятие, утверждение, подтверждение, обещание, осуждение и т.д. Выбор той или иной иллокуции детерминирован интенцией говорящего. Речевые действия выражаются перформативными глаголами, такими как: *умоляю, прошу, прощаю, клянусь, приказываю*, латинскими эквивалентами, которых являются *rogo, quaeso, excuso, juro, jubeo* и т.д. Такие глаголы определяют не только содержание, но и влияют на структуру высказывания. Очевидно, что прагматическая установка автора высказывания может быть достигнута только посредством использования соответствующих лексико-грамматических средств.

Анализ структуры древнеримских перформативных речевых актов, позволил выделить основные типы иллокуций, свойственные римской сакральной коммуникации.

Как известно, основу повседневного общения древних римлян формировала ритуальная коммуникация, носящая церемониальный характер со свойственным ей обязательным соблюдением принятых норм поведения.

Наиболее важными формами ритуальной коммуникации выступают те, которые вовлекают участников в активную деятельность, направленную на сохранение ритуальных традиций (обряды, ритуалы, церемонии, этикет). В жизни и культуре древних римлян особое значение отводилось торжественным и траурным речам, церемониям и обрядам, имеющим священный характер (жертвоприношения, чествования, клятвы, посвящения, обеты и т.д.). Следовательно, прежде всего для ритуальной коммуникации характерным является использование определенных классов перформативов, выражающих личные обязательства, просьбы, клятвы, проклятия и т.д.

Сакральные речевые действия, сопровождающие различные ритуальные акты (заклинания, молитвы, просьбы, благодарности и т.д.) представляют собой ритуальные аутореферентные перформативы, при реализации которых происходит номинация самого действия в виде его совершения, т.е. происходит совпадение слова и действия: «*Взываю, молю народ о защите! На помощь, граждане, на помощь, соратники, нечего ждать от трибунов, которым самим впору искать вашей помощи!*», – такими словами Волерон просит жителей о поддержке в тот момент, когда консулы приказали его высечь (II. 55. 6) [6, с. 109]. Основными структурными компонентами рассматриваемых речевых актов, в соответствии с классификацией Дж. Серля, выступали декларативы, комиссивы, экспрессивы и директивны.

Ромул, один из основателей Рима, посвящая храм Юпитеру Феретрийскому, обращался к нему так: «Юпитер Феретрийский, я, Ромул, победоносный царь, *приношу* тебе царское это оружие и *посвящаю* тебе храм в пределах, которые только что мысленно обозначил; *да станет* он вместилищем для тучных успехов, какие будут приносить вслед за мной, первым, потомки, убивая неприятельских царей и вождей» (I. 10. 6) [Там же, с. 20]. Структуру данного речевого акта образует декларатив «*посвящаю тебе храм...*», дополняемый прямым директивным актом «*да станет он вместилищем для тучных успехов...*».

Обращаясь к богам за поддержкой или благословением, римляне в своей речи описывали существующее положение дел или каких-либо действий, выполненных говорящим: «*я сделал / делаю для тебя <...> а ты для меня сделай...*». Примером описания выполненных действий является отрывок из поэмы «Илиада», выражающий обращение старца к богам:

«Бог сребролукий, внемли мне: о ты, что, хранящий, обходишь
Хрису, священную Киллу и мощно царишь в Тенедосе,
Сминфей! если когда я храм твой священный украсил,
Если когда пред тобой возжигал я тучные бедра
Коз и тельцов, – услышь и исполни одно мне желание:
Слезы мои отомсти аргиевнам стрелами твоими!» (37-42) [4, с. 24].

Возвания к богам выражали и обязательства, имеющие отношение к будущему: *«Ты, Бог, сделай для меня <...> а выполню для тебя...»*: «Благодарю Тебя, радость моя, честь моя, опора моя, Боже мой; благодарю Тебя за дары Твои: сохрани их мне. Так *сохранишь Ты меня*, и то, что Ты дал мне, увеличится и усовершится, и сам я буду с Тобой, ибо и самую жизнь Ты даровал мне» [1, с. 74]. В структуре рассматриваемого речевого акта экспрессивы дополняются императивами и комиссивами.

Рассматриваемое речевое действие зачастую содержало и условие, при выполнении которого высшими силами, следует выполнение взятых на себя обязательств дающим клятву, т.е. кроме прямого способа выражения директивных актов, римляне, обращаясь к богам, использовали косвенные директивные акты, сопровождаемые комиссивами, пропозициональное содержание которых указывало на исполнение говорящим соответствующего действия в будущем: *«я обещаю выполнить (сделать) что-либо»*. В таком случае формула речевого акта обета была представлена сложноподчиненным предложением с придаточным условием: *«если ты исполнишь (сделаешь) <...> и главным, содержащим следствие: <...> то я выполню (обещаю исполнить) для тебя...»*: «Я приехал не для того, чтобы есть и пить, а для того, чтобы ты исполнил мою просьбу. *Если ты исполнишь ее, то я отблагодарю тебя и стану повсюду восхвалять. Но если ты не исполнишь мою просьбу, то я ославлю тебя на весь мир»* [2, с. 246].

Большое значение римляне придавали вотивным жертвоприношениям, которые представляли собой «дар, приносимый божеству как следствие данного обета» [3, с. 123]. Эта разновидность жертвоприношения хорошо характеризует отношения людей к богам в том, что касается приносимого римлянами дара божествам с целью получения от них желаемого.

Жизненная необходимость, опасность, стремление одержать победу над кем или чем-либо и другие обстоятельства, вызывающие у человека чувство страха (болезни, военные походы, морские плавания, военные сражения), заставляли его просить помощи, благословения или даже спасения у божественных сил посредством добровольно принятых на себя самим просящим обязательств, содержанием которых мог стать любой дар. Их реализация следовала сразу же после благополучного завершения мероприятия. Обет давался «во всеуслышание, торжественно, в присутствии как можно большего числа свидетелей, греческое слово *euché* одновременно означает “громкий призыв”, “молитву” и “обет”» [Там же]. Тит Ливий описывает, как во время проведения ауспий при большом количестве народа диктатор приказал воинам взять оружие, а «сам же выступил вперед и возгласил: “Под твоим водительством, о Пифийский Аполлон, и по твоему мановению выступаю я для ниспровержения града Вейи, и даю обет пожертвовать тебе десятину добычи из него”» (IV. 21. 2) [6, с. 250]. Другим примером сакрального речевого акта обета служит клятва, сопровождаемая жертвоприношением, которую дал Фециал при заключении договора народом альбанским «Внемли, Юпитер, внемли, отец-отряженный народа альбанского, внемли, народ альбанский. От этих условий, в том виде, как они всенародно от начала и до конца оглашены по этим навошенным табличкам без злого умысла и как они здесь в сей день поняты вполне правильно, от них римский народ не отступится первым. А если отступится первым по общему решению и со злым умыслом, тогда ты, Юпитер, *порази* народ римский так, как в сей день здесь я поражаю этого кабанчика, и настолько сильнее порази, насколько больше твоя мощь и могущество». После этих слов Фециал зарезал кабанчика кременным ножом. А диктатор и жрецы альбанцев от имени всего народа произнесли свои клятвы (I. 24. 8) [Там же, с. 31].

Рассматриваемый пример показывает, что кроме использования аутореферентного перформатива «*клянусь*», совершая речевой акт клятвы, дающие ее для того, чтобы подтвердить нерушимость своих слов, рисковали чем-либо важным и значимым (родственниками, имуществом, собственной жизнью или даже жизнью целого народа). Такая клятва выражалась посредством сложно-подчиненного предложения с придаточным условием: *«если не выполнит (оступится) ..., тогда ты (сделай)...»*, *«если я не сделаю <...> то пусть случится...»*. В структуре рассматриваемого речевого акта клятвы содержится директивный акт *«то пусть случится...»*, *«тогда ты (сделай)...*», посредством которого присягающие вызывали гнев богов и обрекали себя на прочие отрицательные последствия, и комиссивный, направленный на то, чтобы «обязывать говорящего к определенной линии поведения» [8, с. 124]. Данные особенности речевого акта клятвы приближают его к посвящению, содержащему в себе проклятие лица, дающего клятву: *«...если неправо и нечестиво требую я, чтобы эти люди и эти вещи были выданы мне, да лишишь ты меня навсегда принадлежности к моему отечеству»* (I. 32. 7) [6, с. 39].

Тулл объявляет войну альбанским послам посредством директивного речевого акта «на нее пусть и падут все бедствия войны», которому предшествуют некие действия со стороны противника: «Передайте вашему царю, что римский царь берет в свидетели богов: чья сторона первой отослала послов, не уважив их просьбы, на нее пусть и падут все бедствия войны» (I. 22. 7) [Там же, с. 29].

Анализ сакральных перформативных актов показал, что характерным для общения римлян со сверхъестественными силами являлось широкое использование директивных речевых актов, в которых просьбы и мольбы выражались посредством императивов. Тит Ливий описывает то, как Нума получил царскую власть, проведя соответствующий ритуал с наложением жезла, Авгур обратился к богам с молитвой: «Отец Юпитер, если боги велют, чтобы этот Нума Помпилий, чью голову я держу, был царем в Риме, яви надежные

знаменя в пределах, что я очертил». Затем Авгур словами выразил все, что хотел получить, предзнаменованные были исполнены, и «Нума сошел с места уже царем» (I. 18. 9) [Там же, с. 26].

Перформативные акты обета необходимо отличать от похожего на первый взгляд речевого действия – обещания, которое давалось как людям, так и богам. Речевые акты обета и обещания обладают разными прагматическими характеристиками. Обет содержит в себе определенные условия, поставленные говорящим, и предполагает их непосредственное выполнение, в случае благоприятного исхода событий и покровительства высших сил обещание в свою очередь не содержит никаких условий. В связи с этим, структура речевого акта обета может быть представлена как сочетание директивного и комиссивного актов. Дающий обет по отношению к богу реализует директивный речевой акт (просьбы, мольбы), т.е. выражает свою волю, стремясь побудить высшие силы к изменению ситуации, а затем, принимая на себя определенные обязательства, совершает комиссивный речевой акт, т.е. реализует иллюкутивный акт, цель которого состоит «в том, чтобы возложить на говорящего обязательство (опять-таки в определенной степени) совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии поведения» [9, с. 182].

Со временем, когда жизнь римлян стала приобретать скорее светский характер, чем религиозный, монологические сакральные перформативы постепенно вытеснялись диалогическими юридическими перформативами. На диалогическую форму отношений были направлены коммуникативные взаимодействия, в которых участники или один из участников принимал на себя обязательства юридического характера по выполнению определенных действий. При помощи высказывания адресант намеревается совершить определенные действия, т.е. должно произойти некое изменение ситуации в соответствии с его интенцией, следовательно, продуцируемое высказывание, должно быть перформативным.

Свойственное римской правовой практике заключение вербальных договоров в форме стипуляции указывает на диалогический характер юридических перформативов. Стипуляция, благодаря своей гибкости, долгое время являлась основным и даже единственно возможным способом заключения договора между сторонами, любое содержание могло быть представлено в форме вопроса и ответа, Тит Ливий отмечал, что «разные договоры заключаются на разных условиях, но всегда одинаковым способом» (I. 24. 2) [6, с. 30]. С одной стороны, коммуникатором рассматриваемых речевых практик выступал кредитор, предоставляющий должнику запрашиваемое, а с другой стороны, был должник, принимавший на себя обязательства по возвращению полученного.

Диалогическую форму общения имеет и взаимодействие лиц, наделенных властными полномочиями создавать и принимать законы, нормы, издавать приказы, устанавливать правила поведения, с одной стороны, и реципиентов, т.е. исполнителей, обязанных подчиняться существующим правилам, приказам и распоряжениям, с другой стороны.

Дж. Остин говорил о том, что «многие перформативы являются *договорными* (contractual) или *декларативными* (declaratory: *I declare war.* – «Я объявляю войну») высказываниями» [8, с. 27]: «Вот здесь я приношу вам войну и мир; выбирайте любое!», – заявил Квинт Фабий карфагенянам и получил от них такой ответ: «Выбирай сам!». И он, распустив тогу, воскликнул: «Я даю вам войну!» – присутствующие «единодушно ответили, что они принимают войну и будут вести ее с такою же решимостью, с какой приняли» (XXI. 18. 13) [7, с. 19]. Тулл, объявляя войну альбанскому народу, изрек: «Я <...> не получил ничего из того, что предусмотрено соглашениями, кои явно вы первыми разорвали и обратили в ничто: вот поэтому я *объявляю* альбанцам законную и справедливую войну» [5, с. 144]. В подобных речевых актах действие осуществляется посредством использования декларативов.

Заключение ряда значимых для римского народа международных договоров проходило в стипуляционной форме. Тит Ливий повествует об одном договоре, заключенном между римлянами и альбанцами до начала сражения, на следующих условиях: «чи граждане победят в схватке, тот народ будет мирно властвовать над другим», и отмечает, что «нет о договорах сведений более древних» (I. 24. 4) [6, с. 30]. Описание начинается с обращения Фециала к царю Туллу: «Велишь ли мне, царь, заключить договор с отцом-отряженным народа альбанского?». Получив одобрение, Фециал обратился к царю со словами: «*Rex, facisne me tu regium nuntium populi Romani Quiritium, vasa comitesque meos?*» Rex respondit: «*Quod sine fraude mea populique Romani Quiritium fiat, facio.*» / «Царь, *назначаешь* ли ты меня с моею утварью и сотоварищами царским вестником римского народа квиритов?» На что получил такой ответ: «Когда то не во вред мне и римскому народу квиритов, *назначаю*». Далее следовало освещение договора с принесением присяги и многочисленных слов длинного заклания (I. 24. 4) [Там же].

Во время сабинской войны римская армия, подкрепив свой состав новыми силами начала наступление. В результате успешных боев римляне заняли Коллацию, находившуюся в 7-8 км к востоку от Рима «и все земли по сю сторону Коллации были отняты у сабинян» (I. 38. 1) [Там же, с. 44]. Коллатинцы сдались, вступив в соглашение с римлянами, выраженное в устной диалогической форме, посредством обмена фразами одинакового содержания. Договор начинал царь словами: «*Estisne vos legati oratoresque missi a populo Collatino ut vos populumque Collatinum dederetis?*» – «Sumus». – «*Estne populus Collatinus in sua potestate?*» – «Est». – «*Deditisne vos populumque Collatinum, urbem, agros, aquam, terminos, delubra, utensilia, divina humanaque omnia, in meam populique Romani dicionem?*» – «*Dedimus.*» – «*At ego recipio.*» / «Это вы – послы и ходатаи, посланные коллатинским народом, чтобы отдать в наши руки себя самих и коллатинский народ?» – «Мы». – «Властен ли над собою коллатинский народ?» – «Властен». – «*Отдаете* ли вы коллатинский народ, поля, воду, пограничные знаки, храмы, утварь, все, принадлежащее богам и людям, в мою и народа римского власть?» – «*Отдаем.*» – «А я *принимаю*» (I. 38. 1) [Там же].

Проведенный анализ сакральных перформативных актов древних римлян (клятвы, обета, проклятия и посвящения), с одной стороны, и юридических (светских) перформативов, с другой стороны, позволяет говорить о монологическом и диалогическом характере исследуемых высказываний. Римские диалогические перформативы существовали в области ритуальных правовых практик. Наиболее значимым из которых представляется стипуляция, являющаяся перформативом успешного или неуспешного исхода события. Заключаемая в устной форме с соблюдением ряда существенных условий, стипуляция наделяла стороны взаимными обязательствами, которые должны были быть исполнены в полном объеме. Стипуляция считалась успешной, соответственно, договор заключенным, когда вопрос кредитора и ответ должника совпадали по форме. Со временем перформативные ритуальные практики такого договора были облечены в письменную форму и получили название литеральных контрактов, в более древней форме заключаемыми посредством записи в приходо-расходные книги кредитора долга должника, которые в классический период были вытеснены вошедшими в употребление другими долговыми документами – синграфами и хирографами.

Список литературы

1. **Августин А.** Исповедь / пер. с лат. М. К. Сергеевко. М.: Ренессанс; СПИВО-Сид, 1991. 488 с.
2. **Булфинч Т.** Мифы и легенды рыцарской эпохи / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. 349 с.
3. **Буркерт В.** Греческая религия: Архаика и классика / пер. с нем. М. Витковской и В. Витковского. СПб.: Алетейя, 2004. 583 с.
4. **Гомер.** Илиада. М.: Моск. рабочий, 1982. 448 с.
5. **Дионисий Галикарнасский.** Римские Древности: в 3-х т. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2005. Т. 1. 272 с.
6. **Ливий Т.** История Рима от основания города: в 3-х т. М.: Наука, 1989. Т. 1. 575 с.
7. **Ливий Т.** История Рима от основания города: в 3-х т. М.: Наука, 1991. Т. 2. 526 с.
8. **Остин Дж.** Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. С. 22-129.
9. **Серль Дж.** Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. С. 170-222.

ON THE PROBLEM OF MONOLOGICAL AND DIALOGICAL NATURE OF THE PERFORMATIVES

Kupchenko Yuliya Aleksandrovna

*National Research Tomsk State University (Branch) in Novosibirsk
kupchenkoy@mail.ru*

The article examines monological and dialogical nature of the performatives by the example of the Roman sacral and secular (juridical) performatives. The author provides an analysis of the structure of the ancient Roman performative speech acts, identifies the basic types of illocutions typical for the Roman sacral and juridical communication. On the basis of the analysis of the linguistic material the paper shows how the ancient Romans understood, represented and used performative statements. To sum it up, the researcher describes how the texts of the juridical documents develop from the oral performative ritual practices.

Key words and phrases: performative; speech act; structure of a speech act; sacral performative acts; auto-referential performatives; juridical performatives; stipulation.

УДК 81'37

Филологические науки

Статья посвящена исследованию семантики глагола take с помощью метода прототипического анализа. Цель исследования заключается в уточнении методики прототипического анализа в ходе реконструкции когнитивной структуры Наблюдателя как модели его взаимодействия со средой. В результате анализа устанавливается валентностная специфика семантики глагола take и обнаруживается особый статус данного глагола, занимающего промежуточное положение между многозначными и широкозначными глаголами.

Ключевые слова и фразы: Наблюдатель; когнитивная структура; многозначность; номинативно-непроизводное значение; прототипическая семантика; лексический прототип.

Кутузов Алексей Александрович

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
kutuzov.alex@gmail.com*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СИСТЕМНОГО ЗНАЧЕНИЯ В ХОДЕ РЕКОНСТРУКЦИИ КОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛА TAKE)[©]

Один из существенных недостатков так называемых «списочных» теорий семантической структуры слова заключается в том, что они не учитывают природу познания, которая носит эвристический характер, потому что все системы организма «работают в режиме **постоянной** готовности адекватно оценивать внешние